

Д.К. БЕЗНЮК,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Раскрывается содержание проблем роли религиозного фактора в современной политической ситуации.

The role of religion as a factor in a modern political situation is given analysis to.

Заниматься «проектированием» с недавних пор стало модным: проект «Единая Европа», проект «Россия», проект, проект, проект... Мода на проекты не случайна, в ней чувствуется потребность в формировании хоть какой-то гарантии нормального будущего, потребность в рациональном планировании масштабных социальных практик. Не избежала такого рода «проектирования» и религия, которая в интеллектуальном поле постсоветского пространства сразу стала объектом всевозможных исследований и оценок. Заметим, что фон этих исследований (даже вне зависимости от политических, религиозных, мировоззренческих позиций авторов) задается одним единственным фактором – попыткой оценить реальный удельный вес религии в современной культуре, в жизни современного общества и человека. Исходя из этого, автор предлагает поставить заявленную тему в контекст проблемы существования религии в условиях современного секулярного и глобализирующегося мира, который заставляет рассматривать религию в двойной перспективе: либо она уходит с культурной (в том числе политической) сцены в глубины человеческой психики, в сектор частных потребностей личности; либо есть условия, позволяющие говорить о возможности «второго средневековья» (в смысле востребованности религии не только как психологического или ритуально-культового комплекса).

Осмелимся огласить следующий тезис: постсоветское пространство (если представить его единым политическим игроком или единым культурным пространством) играет с соперниками (центрами сил), которые имеют ярко выраженные религиозные признаки: протестантские США, исламский Восток, христианская Европа. Беспристрастный наблюдатель заметит, что действия этих игроков очень часто носят религиозно обоснованный характер, хотя для констатации этого факта надо приложить определенные усилия, а главное не быть уверенным в «окончательной победе» рационального и секулярного, что часто принимается современным человеком за очевидность. Мы зажаты в пространстве религиозных смыслов, которые, как в схеме М. Вебера, производят многие (если не все) видимые нерелигиозные практики.

В такой ситуации нам, вероятно, следует озаботиться собственными религиозными предпочтениями хотя бы для того, чтобы иметь возможность говорить на одном языке с соперниками, понимать чужой говор, уметь предвидеть действия другой стороны. Решение этой задачи – если угодно поиск религиозной идентичности – это проблема *реконструкции* и проблема *выбора*.

Проблема реконструкции – это реанимирование (возрождение) определенной культурно-исторической традиции, воплощенной в конкретной конфессии. Для Беларуси это всегда сопряжено с вхождением в конкретную политическую ситуацию: православие – восточный (прорусский) блок; католицизм – западный мир; униатство – образ самобытности с западным оттенком. Современные исторические реконструкции отечественной религиозной истории напоминают не поле науки, а поле политических баталий, где решается судьба не столько объективного научного анализа проблемы, сколько выбора вектора дальнейшего культурного и политического развития нации. Реконструкция становится прогнозно-ориентированной программой, не только воскрешающей то, что было, но и вызывающей к будущему. Именно такое впечатление создается, когда знакомишься с работами белорус-

ских историков из разных ученых и политических лагерей. Дает себя знать разность методологии, различие в схемах интерпретации фактов, политические и мировоззренческие симпатии, но объединяет их одно – стремление презентировать реконструкцию как мост между прошлым и будущим.

Ситуация реконструкции осложняется еще и тем, что у людей разное восприятие функциональности религии – ее могут понимать, использовать и переживать как:

- веру и культ в традиционном смысле;
- культурно-историческую традицию, признак принадлежности к конкретному обществу, этносу, культуре;
- особый вид знания (когда человек добивается интеллектуального комфорта, ищет такое знание, которое альтернативно и классической науке, и традиционной религии);
- психотерапевтический комплекс (средство достижения душевного комфорта);
- полусветскую-полусакральную идеологию, мотивирующий комплекс действий, выходящих за рамки религиозных (эксплуатация религиозных идей в другом поле).

Проблема выбора – это проблема образца, который может быть использован при эксплуатации религиозной матрицы в ходе различного рода практик (интеллектуальных, политических, экономических и т. п.). Эти образцы я уже называл – протестантские США, исламский Восток, христианская Европа.

Отметим некоторые соображения по поводу их характеристик.

Модель США достаточно специфична в силу исторических обстоятельств, в которых она формировалась. В рамках нашего исследования из всех особенностей американской модели необходимо отметить две.

Во-первых, органичность религиозной модели – она формировалась естественным путем, без революционных разрывов, в тесной связи с местными политическими нормами и ценностями. США не свойственны периоды резких изменений в религиозной сфере; их и не могло быть, поскольку государство начиналось как колония христиан-протестантов, для которых вера была первейшей потребностью, которой они руководствовались как в личной, так и в общественной жизни. В связи с этим США можно рассматривать как *протестантский политический проект*, который со временем приобрел светско-либеральную окраску, но остался *религиозным по сути*. Нынешним поколениям американцев незачем прилагать усилия для освоения религиозного опыта своих предшественников – этот опыт везде: он не замалчивался, не признавался ошибочным или чуждым, им пропитана нормативно-ценностная матрица американской культуры.

Во-вторых, тесная связь политики и религии: можно без преувеличения утверждать, что политика США вдохновляется религиозными идеалами, материализует их в сфере политических действий. Здесь следует заметить, что речь идет не о религии вообще, а о вполне конкретной религиозной идеологии – протестантском фундаментализме эсхатологической ориентации. О роли и месте религии в этом контексте А. Дугин замечает: «...религия необязательно должна выступать как культ или совокупность догматов. Часто в современном мире она проявляется подспудно, как психологические предпосылки, как система культурных и бытовых штампов, как полусознательная геополитическая интуиция. Чаще всего религия сегодня воздействует через культурный фон, через семейную психологию, через нормативы социальной этики. В этом отношении США – страна абсолютно протестантская, и этот “протестантизм” затрагивает не только открытых приверженцев конфессии, но и огромные слои людей иных религиозных убеждений или атеистов. Протестантский дух легко обнаружить не только у пуритан, баптистов, квакеров, мормонов и т. д., но и в американском криш-

наизме, и в секте Муна, и среди американских иезуитов, и просто в безрелигиозном американском обывателе. Все они в той или иной степени затронуты “протестантской идеологией”, хотя культово и догматически это признается относительным меньшинством»¹. Этот факт очевиден и в системе «политика – религия» работает без сбоев. «Одним из важнейших факторов современной политической жизни в Соединенных Штатах Америки является религия. Это находит свое отражение при формировании концепций внешней и внутренней политики США. Политическое участие американских граждан в политическом процессе США исторически обусловлено присутствием христианских вероучений, которые оказывают сильное воздействие на электоральные предпочтения американцев»².

Нам, в определенной степени секуляризированным гражданам постсоветского пространства, это сложно принять за реальность, но это так. Ситуация определяется и тем, что в США политический класс (активные субъекты политики) не является пропорциональным отражением общества. «Достаточно посмотреть на ничтожное число цветных среди политиков и высших администраторов. По традиции мажоритарным типом в американской политике является “WASP” – “White Anglo-Saxon Protestant”, “белый англосаксонский протестант”. Следовательно, полноценный протестантский фундаментализм здесь намного более вероятен, нежели в иных слоях. ...Республиканская партия США, одна из двух, обладающих де-факто политической монополией, руководствуется протестантско-фундаменталистским мировоззрением открыто и последовательно, закономерно считая его осевой линией американской цивилизации, религиозно-догматическим воплощением “Manifest Destiny”, “проявленной судьбы” Штатов.

Геополитическое мышление, которое чрезвычайно развито у политической элиты США, непротиворечиво совмещает в себе эсхатологический фундаментализм, идею “США как Нового Израиля, призванного спасти народы в конце истории”, и идею свободной торговли, как максимальную рационализацию общественного устройства, основанного на приоритете “разумного эгоизма” и “атомарного индивидуума”. Протестантское мессианство американской геополитики сочетается, таким образом, с предложением универсальной рыночной модели и либеральной системой ценностей»³.

Следует отметить, что, когда речь идет о влиянии религии на политическую сферу, сегодня чаще всего говорят об исламском фундаментализме и терроризме, но веберовский подход – от религиозной догмы к мотиву нерелигиозного действия – требует включения в социологический анализ не только исламского фактора. А. Дугин уверен, что религиозным мотивационным ядром американской внешнеполитической стратегии является диспенсациализм (от латинского «despensatio» – промысел, замысел) – протестантское эсхатологическое учение, которое опирается на ветхозаветные сюжеты в современной интерпретации (можно вспомнить уже названную проблему реконструкции). В рамках этого учения англосаксы видятся потомками десяти колен Израиля, не вернувшихся в Иудею из вавилонского пленения и принявших позже протестантизм. Исторический «промысел» о протестантских англосаксах, по мнению приверженцев диспенсациализма, таков: «Перед концом времен должна наступить смутная эпоха («скорбь великая», tribulation)». В этот момент силы зла, «империя зла» (когда Рейган назвал СССР «империей зла», он имел в виду именно этот эсхатологический библейский смысл) нападет на протестантов-англосаксов (а равно и на других «рожденных снова», born again), и на короткий срок воцарится «мерзость запустения». Иной «промысел», по учению диспенсациалистов, существует у Бога относительно Израиля. Под «Израилем» они понимают буквальное восстановление еврейского государства перед «концом времен». В отличие от православных и всех остальных христиан протестантские фундаменталисты убеждены, что библейские пророчества относительно

участия народа Израилева в событиях «конца времен» надо понимать буквально, строго по-ветхозаветному, что они относятся к тем евреям, которые продолжают исповедовать иудаизм и в наши дни. Евреи в конце времен должны вернуться в Израиль, восстановить свое государство и подвергнуться нашествию Гога, т. е. «русских», «евразийских» (это «диспенсациалистское пророчество» странным образом исполнилось в 1947 г.). Далее начинается самая странная часть «диспенсациализма». В момент «великой скорби» предполагается, что англосаксонские христиане будут «взяты» («восхищены») на небо (*rapture*) – как бы на «космическом корабле или тарелке» – и там переждут войну Гога (русских) с Израилем. Потом они (англосаксы) вместе с протестантским Христом снова спустятся на землю, где их встретят победившие Гога израильтяне и тут же перейдут в протестантизм. Тогда начнется «тысячелетнее царство», и Америка вместе с Израилем будет безраздельно господствовать в устойчивом парадизе «открытого общества», «единого мира». Эта экстравагантная теория была бы достоянием маргинальных фанатиков, если бы не некоторые обстоятельства.

Во-первых, убежденным «диспенсациалистом», искренне верившим в буквальное исполнение такого эсхатологического сценария, был некто Сайрус Скофильд, знаменитый тем, что составил самую популярную англоязычную Библию – «*Scofield Reference Bible*», разошедшуюся многомиллионным тиражом. В Америке эту книгу можно встретить на каждом шагу. Так вот этот Скофильд вставил в библейский текст собственные исторические комментарии и пророчества о грядущих событиях, выдержанные в духе радикального «диспенсациализма», таким образом, что неискушенному читателю трудно отличить оригинальный библейский текст от авторской диспенсациалистской трактовки Скофильда. Иными словами, пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, уже изначально несет в себе компонент «патриотического» американского воспитания («*Manifest Destiny*»), русофобской эсхатологической индоктринации и акцентированного сионизма. Иными словами, в «диспенсациализме» воплощена новейшая форма той многовековой идеологии, которая лежит в основе дуализма Запад – Восток.

В некоторых текстах современных диспенсациалистов «промыслы» увязываются с новейшими техническими достижениями и тогда возникают образы «ядерного диспенсациализма», т. е. рассмотрения «атомного оружия» как некоего апокалипсического элемента. И снова Россия (или СССР) выступает здесь в качестве «сил зла», «ядерного царя Гога».

Популяризатором этого «атомного диспенсациализма» был евангелист Хал Линдси, автор книги интерпретации пророчеств «Бывшая великая планета», разошедшейся тиражом в 18 миллионов экземпляров (по тиражам в свое время это была вторая книга после Библии). Его горячим приверженцем был не кто иной, как Рональд Рейган, регулярно приглашавший Линдси читать лекции атомным стратегам Пентагона. Другой «ядерный диспенсациалист» – телеевангелист Джерри Фолвелл – стал при Рейгане ближайшим советником правительства, участвовал в закрытых заседаниях и консультациях генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности. Так, архаические религиозные эсхатологические концепции прекрасно уживаются в столь светском и прогрессивном американском обществе с высокими технологиями, геополитической аналитикой и блестяще отлаженными системами политического менеджмента. Кстати, именно диспенсациализм объясняет непонятную без этого, безусловно произраильскую позицию США, которая часто противоречит их геополитическим и экономическим интересам. Солидарность протестантских фундаменталистов с судьбой земного Израиля, восстановленного в 1947 г., что явилось в глазах протестантов прямым и внушительным подтверждением трактовки Скофильда и его Библии, основана на глубинных богословских эсхатологических сюже-

тах. Надо сказать, что «диспенсациализм» по-своему является потрясающе убедительным. С его помощью становятся логичными, понятными и осмысленными многие события современности: восстановление Израиля, «холодная война», этапы американского пути к единоличному планетарному господству, расширение НАТО на Восток и т. д.⁴ Своим критикам, которые пеняют мне на маргинальность и предвзятость исследований А. Дугина⁵, посоветую обратиться к программным политическим речам, например, Рейгана и заострить внимание на обилии в них христианской риторики и библейских реминисценций политического характера, а также и на ситуации двух последних президентских выборных кампаний в США (особого внимания заслуживает, с нашей точки зрения, феномен Сары Пэйлин).

В Европе, в отличие от США, ситуация несколько иная: секулярность европейской политики вроде бы очевидна, но...

Отдельное внимание следует уделить анализу такого общеевропейского факта, как Конституция Европейского Союза (Евроконституция), принятие текста которой обнажило проблему взаимоотношений секулярного и религиозного компонентов европейской политики и культуры.

29 октября 2004 г. на Капитолийском холме в Риме главы государств и правительств 25 стран-членов Европейского Союза торжественно подписали «Конституционный Трактат» – окончательный текст европейской Конституции, в преамбуле которой были слова: «Вдохновляясь культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы...»⁶ По поводу этой фразы генеральный секретарь Конференции католических епископов Европы А. Джордано заявил: «Мы очень разочарованы не тем, что написано в Конституции, а тем, что в ней не написано»⁷. Речь идет о позиции четырех стран (Италии, Испании, Ирландии и Польши), мнение которых о необходимости заявить в Конституции Евросоюза о христианских корнях Европы было отвергнуто. Тот нейтралитет (продиктованный, безусловно, требованиями современной западной политкорректности), с которым было упомянуто лишь о «религиозном наследии», привел в недоумение христианских иерархов европейских церквей. Папа Римский Иоанн Павел II в своей проповеди отметил, что «учитывать христианские корни континента означает осознать духовное наследие, необходимое для дальнейшего развития союза»⁸. Архиепископ Афинский и всея Эллады Христодул так оценил окончательный вариант текста Евроконституции: «Рассматриваю подобную ситуацию как сугубо отрицательный фактор в жизни объединенной Европы. Из идеологических соображений из Преамбулы Европейской Конституции оказались изъяты и христианская традиция, и христианское наследие народов континента. Тем самым обрывается духовная нить, соединяющая нации Европы, отвергается краеугольный камень ее самобытности в контексте иных культур. Упоминание христианства в качестве исторической опоры европейской цивилизации, равно как и древнегреческой и древнеримской традиции, является объективной констатацией исторической реальности без покушения на понимание и оценку современными европейцами своей идентичности. Поэтому мы как европейцы обязаны прежде всего признать духовно-культурные, национально-религиозные и иные истоки своего исторического бытия и лишь после этого вольны действовать в соответствии с собственным представлением о лучшем будущем. И Элладская, и Русская Православные Церкви решительно выступили за обязательность внесения упоминания о христианстве в преамбулу Конституции ЕС. Эта борьба будет продолжена, ибо европеец в наступившем столетии не должен по крайней мере оказаться лишенным памяти о своей душе»⁹.

Видимо, будет ошибкой считать, что проблема «забвения» христианской традиции Европы вызвана только чувством обиды католических и православных иерархов. Вопрос о христианском наследии Европы в современных условиях превращается в сугубо политическую проблему, так как на практи-

ке оказывается связанным с эмиграционной политикой ЕС и рядом проблем: ассимиляции (вернее, ее невозможности) неевропейских эмигрантов, принятия в ЕС Турции (страны совсем нехристианской), роста ксенофобии в Европе и оживления в ней праворадикальных и националистических настроений. Даже Ю. Хабермас – классический образец неверующей мыслящей Европы – полагает, что под напором мигрантов-иноверцев Европе все-таки надо будет самоопределиваться и это самоопределение касается прежде всего обращения к своей «христианскости». Немецкий философ и социолог вынужден вводить в поле европейской и мировой политики религию как реального игрока в силу нескольких причин: «Распространение больших мировых религий посредством миссионерства, их фундаменталистская радикализация и политическая инструментализация их потенциала насилия»¹⁰. Эти причины вторгаются в секуляризированное культурное пространство Европы и порождают переворот в сознании коренного европейца, усугубляемый функционированием СМИ: религия начинает видаться не как частное дело индивида, а как публичный феномен, фактор общественных практик и мотив политических оценок и поступков. Европеец видит массы оседающих эмигрантов, не желающих ассимилироваться в мировоззренческо-плюралистичной среде «старушки Европы», эмигрантов, которые используют либеральное политкорректное законодательство Европы для создания своих религиозно-культурных анклавов (феномен добровольной геттоизации), эмигрантов, которые не мыслят своих повседневных действий без религиозной мотивировки. Отметим, что в анализе складывающейся ситуации Хабермас мягок и еще уповаает на толерантность и взвешенную правоприменительную практику. Но хабермасовская логика так или иначе обязательно потребует корректировки жесткой реальностью, которую описал в своей скандальной книге «Германия – самоликвидация, или Как мы ставим нашу страну на карту» другой немец – Т. Саррацин. Тезисы этого автора в контексте нашего исследования выступают не как частное мнение ксенофоба или националиста, а как признание публичности религиозного фактора в политике и культуре, а также силы и веса религии (пусть и чужой, пришлой) в современной ситуации.

Третий игрок – исламский регион – безусловно не однороден и противоречив, но в рамках глобальных геополитических рефлексий его можно представить как единую политико-религиозную матрицу. Говорить о Востоке и не видеть ислама – непростительная оплошность. Даже если в действиях этого игрока прослеживается «чисто» экономический или иной прагматический момент, надо помнить о большой вероятности религиозной окраски последствий этого момента или неосознанной его религиозной мотивации. Здесь ситуация схожа с США с той лишь разницей, что американцы на публике «стыдливо умалчивают» о религиозных корнях своих действий, а субъекты Востока лишены подобного рода стыда.

З. Бжезинский как-то заметил: коммунизм побежден, на очереди – православие. Если продолжить эту логику (которая исходит из полярности мира, противостояния блоков), то, *во-первых* (с позиции Бжезинского), православие, шире религия, оформляет некое блоковое пространство, является выражением идеологии противника, несет в себе явное или латентное политическое содержание. Таким образом, замечаем, религия – политический противник, значит, игрок, т. е. она что-то собой представляет; *во-вторых* (с позиции противника Бжезинского), православие, шире религия, может оцениваться как средство в противостоянии, как оружие. Разумно ли от него отказываться в таком случае? Разумно ли сводить религию к сфере частных интересов граждан, к уродливо-усеченной проповеди «хорошего поведения», закрывая ей вход в публичную сферу?

Ситуация религии как социально-политического проекта для постсоветского пространства – это ситуация выбора – выбора модели сосуществова-

ния религии и политики, религии и идеологии, религии и культуры. Этот выбор требует осознания постсоветским пространством своего единства и своей специфики, что в современных условиях, по нашему глубокому убеждению, невозможно.

¹ Дугин А. Философия войны. М., 2004. С. 158.

² Ефременко Н.В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США (XVII – начало XXI в.). Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/199279.html>. Дата доступа: 19.11.2010.

³ Дугин А. Указ. соч. С. 159–160.

⁴ Там же. С. 163–166.

⁵ См.: Васілевіч Н. Сацыялогія рэлігіі як прадукт палітычнай ідэалогіі // Паліт. сфера. 2006. № 7. С. 91.

⁶ У Европы подрубают корни. Режим доступа: http://religion.ng.ru/printed/facts/2004-11-17/2_es.html. Дата доступа: 26.01.2006.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Найдется ли в Европейской Конституции место христианству? Режим доступа: <http://www.mospat.ru/text/news/id/6235.html#>. Дата доступа: 26.01.2006.

¹⁰ Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Рос. филос. газ. 2008. № 4. С. 1.

Поступила в редакцию 27.11.10.